

ТРИ ЭПОХИ, ДВЕ ВОЙНЫ ИВАНА ШУЛЬГИНА

Екатерина ПОСЕЛЬСКАЯ

Родился Иван Александрович в 1911 году в деревне Демино Казаковского сельсовета Вилегодского района. Его отец воевал в Первую мировую, восемь лет провел в плену, а когда вернулся израненный и больной, все заботы о семье легли на плечи одиннадцатилетнего Вани. Он рано научился вести хозяйство, пахать, сеять: семья у Шульгиных была большая, и хлопот хватало. Так и вырос Иван. За делами домашними сразу и не заметил, что сверстники уже отслужили в армии. Даже более младших ребят призвали. А Шульгину повестка все не приходила. В метрической книге он значился в самом конце, и запись просто не заметили. Тогда Иван Александрович сам отправился в военкомат, ведь для парня не было большего позора, чем в армии не отслужить. Там возраст Ивана определили. Попал в кадровую армию. Через два года, отдав долг родине, он вернулся домой, да ненадолго. Почти сразу его призвали на Финскую.

Каждый день этой короткой войны Иван Александрович до сих пор помнит в подробностях. Перед первым боем командир сказал солдатам, что завтракать они будут на своей территории, а ужинать в Хельсинки. Попробовать блюда финской кухни Ивану не удалось ни в этот день, ни в следующий, ни даже через месяц. Впереди его ждали окружение, морозы и голод.

Иван Александрович говорит, что Финская война куда страшнее Отечественной. Местное население защищало свою страну от захватчиков. Многие финны, даже женщины, были смертниками. Они приковывали себя цепями к пулеметам, без страха шли под пули. Немало русских солдат погибло от метких выстрелов снайперов-кукушек. Вспоминает, что когда одного из таких стрелков брали в плен, он, лишившись оружия, схватил оглоблю и начал вертеть вокруг себя. Не подойдешь! Только здоровенный парень-украинец смог с ним справиться.

Но самыми страшными врагами были мороз и голод. Обмундирование наших войск не соответствовало времени года, а костры не разводили – противник мог обнаружить. Поэтому согревались своим дыханием: выкапывали воронки больше человеческого роста и ложились в них вниз головой. Конечно, в тридцатиградусный мороз такого обогрева не хватало. Из-за холода солдаты при малейшем ранении умирали от болевого шока. Медицинского обслуживания не было совсем. Голод преследовал наши войска. Доходило до того, что грызли конские копыта. Однажды Иван Александрович с однополчанами два месяца провели в окружении. Потеряли связь, на родине их уже считали погибшими, а они всё жили. Продовольствие закончилось. Стали выбираться в тыл. Лошадей хватало, а вот саней не было. Командир начал искать умельцев. Для Ивана Шульгина, выросшего в северной деревне, смастерить сани особого труда не составляло. Но как это сделать, если стоит мороз, ведь полозья не загнуть. Выход нашлся – помогли природные особенности Финляндии: некоторые березы, росшие на каменистой почве, у основания изгибались сами по себе, второй конец полоза Шульгин загибал в кипятке. Смекалистого бойца командир даже хотел представить к ордену, но так как его дивизия побывала в окружении, о награде не могло быть и речи.

Когда удалось выбраться к своим, в первую очередь изголодавшихся солдат отправили в особый отдел, а уж затем на продовольственный склад. Позже выяснилось, что совсем рядом с Иваном служит его брат Николай. Шульгин потом не раз спасал родственника от голода. Однажды он обнаружил на финской территории погреб с картошкой. Взял у командира сани и вывез добычу. Два ведра припрятал, чтобы накормить брата, а остальное отдал сослуживцам.

В Финскую Иван Александрович был наводчиком гаубицы, но дальнейшую службу пришлось нести в другом качестве: обморозил кончики пальцев, и они потеряли

чувствительность. По окончании боевых действий его отправили на учебу в Ленинградскую кадровую школу связи.

Великую Отечественную Шульгин прошагал с катушкой провода в руках, обеспечивая связь. В звании ефрейтора ему пришлось взять на себя командование отделением из 12 человек: офицерского-то состава не хватало. В подчинении у Ивана Александровича, как в кинофильме «А зори здесь тихие...», были молодые девчонки, и... все они тоже погибли. Да и сам Шульгин чудом остался в живых. События происходили в Литве. Мост, по которому двигались бойцы, взорвали. Очнулся Иван в госпитале. Его контузило. С тех пор слышит неважно. После выписки Шульгин домой не вернулся – отправился дальше воевать. Дошел до Берлина и даже побывал в одном из бункеров Гитлера.

Когда закончилась война, Ивану Александровичу пришлось восстанавливать связь на Украине. И только потом он вернулся на малую родину. Будучи заядлым охотником, стал трудиться в артели. За сезон до шестисот белок бил, причем, как и положено, в глаз (чтобы шкурку не испортить). За меткость Шульгина еще на фронте снайпером прозвали.

Позже Иван Александрович устроился на котласский горпромкомбинат. Изготавливал сани, телеги, мебель. Первым предложил производить горки. На этом предприятии Шульгин работал до 76 лет. В квартирах многих котлассан до сих пор стоит мебель, сделанная его руками. Но и после выхода на заслуженный отдых он не угомонился. В 87 лет (сейчас Шульгину 94 года) Иван Александрович каждый день проходил на лыжах по двадцать километров. Кстати, к спиртному он всегда был равнодушен. В войну пробовал курить, но не понравилось. Зато очень любит сладости. Раньше на охоту брал аж по килограмму сахара. По сегодняшний день он хлопочет на огороде, правда, теперь в основном контролирует посадки, сделанные детьми и внуками. Семейой Иван обзавелся поздно, в 42 года. Через год после свадьбы на свет появилась дочь, еще через несколько лет – сын. Сейчас у Шульгина уже пятеро внуков и правнук.

Родившись при царе, Шульгин большую часть жизни прожил в советском государстве. Старость застала его уже в новой России. Но он всегда был верен своей родине и любое дело, за которое брался, выполнял на совесть.